

10 OKT 1970

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

ПЕРЕДО мной стопа тетрадей. Старых, когда-то в зеленых и синих, а сейчас одинаково серо-желтых обложках, и новых — толстых, в добротном дерматине. Это дневники, начатые 28 лет назад и продолженные сегодня. Их автор не геолог, не топограф и не путешественница. Она... Впрочем, пусть об этом будет сказано так, как записано в одной из тетрадей 1942 года:

2 АПРЕЛЯ. КОЧЕВАЯ СЕДАНКА. Погода сегодня сносная, с небольшим ветерком. Я шла на нартах некоторое время одна и встретила нарты с медработниками. Мужчина и женщина при каюре-каряке. Мужчина спросил: «Это, наверное, кукольный театр?». Я в который раз подивилась скорости, с какой разносятся вести по тундре, и подтвердила его догадку. А женщина: «Где же артисты?». Я расхохоталась. Ну да, какая я актриса — я ведь каюр...

Актриса, должно быть, единственного в мире театра на собаках. Татьяна Корсак в те годы страшно гордилась еще и тем, что она была первой на Камчатке русской женщиной-каюром, у которой своя нарта, а в ней собаки с кличками из любимых книг: Динго, Барри, Волк...

В тундре уже хорошо знали веселого и остроумного героя народных сказок Петрушку, который «много голосу забирает»...

20 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА. Спектакль идет в юрте. У многих зрителей кушанки надеты на голое тело. Душно, грязно, дым от костра ест глаза. Когда объявили конец спектакля, взрослые стали просить, чтобы выступил Петрушка, и не хотели уходить. Я выступила, а потом, сама не зная почему, прочла письмо Татьяны. Слушали очень внимательно... А в два часа ночи, когда мы уже спали, пришла одна старушка и заявила: «Хочу смотреть кукол!». Оказывается, не знала который час...

Я слушаю ее и пытаюсь увидеть в ней ту молодую актрису Тульской кукольного театра, которая в один прекрасный день оказалась в Москве, в управлении театров и попросила: «Пошлите куда-нибудь далеко на Север, где ездят на собаках и где еще ни разу не видели кукол».

Слова «романтика», которым сегодня мы пытаемся объяснить все на свете, тогда, в 1940 году, в ходу не было. О чем же подумала та усталая седая женщина из управления, которая запомнилась Татьяне Корсак на всю жизнь, потому что «очень душевно» говорила с ней? Может быть, о вечной актерской тяге к перемене мест? Или о личных невзгодах молодой актрисы? А может, просто подумала, что никогда не переведется на Руси молодые женщины той чудесной породы, которым и жизнь не в жизнь, если они знают, что где-то есть люди, обделенные радостями. Как бы там ни было, но седая женщина сказала, что на днях с Камчатки примчался

такой же сумасшедший по имени Саша Корнилов и что Саше поручено сформировать труппу для местного кукольного театра...

Татьяна Корсак приехала на Камчатку 9 января 1941 года, когда театр уже работал. Но началась война, и театр расформировали. Они остались вдвоем с Корниловым, которого не взяли в армию по состоянию здоровья. Решили вдвоем заменить всех ушедших на фронт. Пьесу, в которой было занято восемь человек, они разучили вдвоем.

Не было уголка на Камчатке, где бы за годы войны не побывал театр на собаках. Его хорошо знали в рыбацких селах, на пограничных заставах, в юртах кочевых пастухов. После войны — снова Север, но теперь уже более «близкий» — Коми, Якутия. В Якутии Саша Корнилов заболел и умер. Умер, как жил, на гастролях.

В сорок лет Татьяна Корсак предстояло начать все сначала. Но Север, вероятно, и впрямь обладает свойством закалять характеры: актриса не согнулась. На первых порах она выступала с эстрадными бригадами, по-прежнему стремясь попасть в самые отдаленные, в самые трудные края. Добрый случай свел ее с человеком, который так же, как она, много пережил, воевал, был несколько раз ранен. Он внимательно слушал ее рассказы о Якутии и Камчатке, о самых удивительных в мире зрителях — детях. Они поженились, и Геннадий Петрович взял фамилию жены, уже знакомую северянам и дальневосточникам.

И вот спустя 20 лет снова Камчатка.

— Она встретила нас своей удивительной, бурной свежестью, — рассказывает Татьяна Петровна, — летним, до блеска отмытым небом, фиолетовыми сопками. Я шла и думала, что теперь это уже навсегда, что я люблю здесь все: землю, грязь, море...

— И снова гастроли, и началось, — вставляет слово Геннадий Петрович, — подходит старый коряк: «Гляди-ка, Татьяна приехала! Ты помнишь, Татьяна, тогда у тебя сломался патефон и я подыгрывал тебе на гармошке?.. Помнишь? На собачках, однако, ездишь?..».

И так по всему побережью — западному и восточному...

На столе появляется карта, старая, вычерченная еще Корниловым. По четвертому, пятому разу отмечены на ней места, где они побывали за последние 5 лет. И нет такого места, где бы они не были. Просто нет. И чем дальше я слушаю их рассказ, тем сильнее хочется понять этих людей и, что греха таить, задать вопросы, которые вот так, силой лица к лицу, задавать не принято. И я прошу дать мне на время дневники, о которых Татьяна Петровна случайно обмолвилась и у которых можно, не испытывая неловкости, спросить обо всем.

Кто они все-таки — путешественники или артисты? Не вытеснила ли страсть к перемене мест любовь к

профессии? И не стали ли куклы из цели средством?

Северный зритель добр и отзывчив, он снисходителен, и не потому ли они здесь, что здесь, как ни странно, легче?

Не без пристрастия я допрашивал об этом дневники, и сейчас как живая стоит перед моими глазами такая, например, картина.

...Сельский клуб в одном из поселков на западном побережье. Зрители ушли, а эти двое вернулись за ширму. Сцена в клубе низкая, и ширма поставлена перед ней, совсем близко к первому ряду, где

— С премьерой, Геннаша!

— С премьерой, Таня...

И двое в маленьком пустом сельском клубе целуют друг друга. Здесь никого нет, кто бы знал об этом старом актерском обряде. А если бы и был, то разве скажешь, что для себя они сочли премьерой только четвертый спектакль? Пипита, карликовая якутская лайка, которую на радость и удивление камчатским ребятишкам они повсюду возят с собой, словно поняв что-то, бешено запрыгала вокруг них, а кукла Аленка, как это записано в дневнике, «захлопала глазами и

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ СОВЕСЕДНИКОМ

СЧЕТ

НА СУДЬБЫ

обычно устраиваются самые маленькие и самые нетерпеливые зрители. Оба устали. В спектакле есть сцены, где на долю каждого одновременно приходится по две, а то и по три роли, и после выхода на поклон просто нет сил двигаться. Но сегодня усталость необычная, есть в ней что-то от праздника. Впрочем, может быть, этот праздник только кажется одному из них? Ведь они столько намучились с этим спектаклем!

20 АВГУСТА 1967 г. МОСКВА. Весь август работаем над «Потапычем». Делали декорации, куклы, реквизит. Работалось трудно, а главное — не хватало времени: часто набегали друзья, которые долго нас не видели. Приятно, но 1 сентября мы должны быть на Камчатке, дома, с новым спектаклем, и это — самое важное.

8 СЕНТЯБРЯ. Наконец мы дома. На душе, как всегда от встречи с этой страной, празднично. Волнуюсь только о спектакле. Как-то его примут?

19 СЕНТЯБРЯ. Просмотр. Особых замечаний у комиссии нет, но я-то знаю: спектакль затянут, не отработано кукловедение. Сыро, все сыро, надо репетировать.

И вот они смотрят друг на друга:

улыбнулась».

«Потапыч», который так долго им не давался, — всего лишь сказка о дружбе между мальчиком и медведем. Выбор пьесы поначалу казался мне случайным. Но, вчитываясь в дневники, я вдруг понял, что это не так, что он — от их трогательной любви ко всему живому.

В дневниках сороковых годов Татьяна Корсак целые страницы посвящает своим собачкам, их характерам и повадкам, тем особым безмолвным связям, которые устанавливались между ними. А в дневнике последнего года я прочел рассказ о Махе, раненой сове.

Увидев в тундре большую птицу, они не смогли ее оставить и взяли с собой.

Этот эпизод может показаться незначительным. Но мне он помог понять, что эти двое с куклами, может быть, учат детей самому главному в жизни — доброте и мужеству.

Поездки по полуострову — это жизнь без среды. Без самой обычной — житейской. И без той, без которой, считают некоторые, художник и вовсе жить не в состоянии, — без среды творческой. Можно ли в этих условиях оставаться верными себе, своему искусству?

Дневник с удивительной силой

отвечает и на этот вопрос.

Настоящий человек способен создать себе такую среду, черпая из окружающей жизни пищу для творчества, размышлений, поисков. Все-го лишь транзистор связывает их с Москвой и Ленинградом. Но они стараются не пропустить ни одного радиоспектакля. Многие записи в дневнике — это короткие остроумные рецензии. А самое главное — учеба, всегда и везде, вопреки всему, даже тогда, когда кажется, что для нее нет никаких условий.

10 ФЕВРАЛЯ 1943 г. Вчера хотели подняться рано, но не смогли: так устали. Однако пришел пограничник из комендатуры и попросил дать у них концерт. Работали в коридоре комендатуры. Это был спектакль в фонд обороны. А сегодня «дневка», как говорят на Камчатке, когда пурга застает путешественников на нартах. Но мы в землянке. Саша принес от пограничников корм для собак, а потом стал заниматься со мной музыкальной грамотой. И когда я ошибалась или ленилась, переходил со мной на «вы»...

И вот запись, сделанная 27 лет спустя женщиной, которой уже было без малого шестьдесят:

16 ДЕКАБРЯ 1969 г. КАМЕНСКОЕ. Читаю книгу о лицейских годах Пушкина. Книжки, кино, радио здорово помогают преодолеть творческий голод, который внезапно набрасывается на нас. Стараюсь заниматься систематически и регулярно. И когда не удается — плохо себя чувствую.

Но этого мало, непременно надо помочь другим, утверждает дневник, особенно тем, кто делает первые шаги в искусстве.

6 МАРТА 1943 г. КОЗЫРЕВСК. Остановились в избе-читальне. Вечером ходили в клуб, хотя за перерывом я умудрилась подморозить щеки. В клубе был вечер женщин, школьный драмкружок поставил пьески, очень плохие. Саша и я долго разговаривали с учителями и ребятами. Может быть, из Паланы удастся им что-нибудь выслать.

И через 23 года.

9 СЕНТЯБРЯ 1966 г. ДОЛИНОВКА. Тут обнаружился один парень, из местных «камчадалов», так называют здесь потомков первых русских поселенцев, смешавшихся с местным населением. У него прекрасный голос, баритон. Плохо, что он попивает, это может скверно для него кончиться. Ему надо учиться. Геннадий звал его к нам, и мы убеждали его, как могли. Обещал подумать насчет учебы.

— У нас, должно быть, самый маленький в стране театр, — сказала мне Татьяна Петровна, — всего два человека. Мы ездим без администраторов, и это одновременно и трудно, и хорошо. Потому что мы сталкиваемся с разными людьми, которых обычно актеры не знают, и очень близко видим жизнь... Я часто вспоминал эти слова, читая и перечитывая ее дневники, спрашивая себя, что, помимо любви к театру и самодисциплины, помогает

этим людям держаться.

Ответ был один: то уважение, которым окружены в нашей стране искусство и его деятели, большие и малые.

Может быть, когда-нибудь дневники Татьяны Петровны Корсак будут опубликованы полностью, и тогда станет очевидным, что это жизнь, сравнимая с подвигом, и по достоинству возрадуются трем рядовым армии советского искусства. (Трем: не забудем о первом из них — актере-романтике Александре Корнилове). А пока попробуем понять, что дал этот подвиг людям.

В отличие от школьного учителя, который обычно может сказать, кем стали его ученики, артисту ответить на этот вопрос трудно. Счет здесь ведется не на судьбы человеческие, а на минуты и часы детской радости и веселья. И как же справедлив такой счет, если дети, став взрослыми, помнят об этих часах всю жизнь.

5 ОКТЯБРЯ 1969 г. АНАВЧАЙ. Здесь меня неожиданно узнали. Вспомнили наш кукольный театр, каким он был при Саше Корнилове. Было очень приятно — ведь прошло 25 лет, целая жизнь...

7 НОЯБРЯ. КАМЕНСКОЕ. Сыграли два спектакля, потом были в гостях у секретаря райкома партии. Когда ему было 7 лет, он видел наш театр в своей юрте. Это был первый театр в его жизни. А сейчас он секретарь по идеологии и много интересного рассказывал о национальном искусстве.

И, наконец, о том, как я познакомилась с дневниками и их автором.

— Наш поэт, — сказали мне в Камчатском управлении культуры, знакомя с Георгием Поротовым, который в этот день принес в управление пьесу в стихах, сказку, написанную на основе удивительно интересного ительменского фольклора.

— Это для Корсаков, — сказал Поротов так, словно я не мог не знать их.

И удивился, когда узнал, что мы незнакомы.

— Как можно? Как можно? — заспешил он, — это такие люди, такие хорошие люди... Вы знаете, я был вот таким, когда впервые увидел кукольный театр. Куклы пели и смеялись, плакали, и была музыка... Я тогда не очень хорошо понимал, о чем они говорят, но удивление осталось вот здесь — он показал на сердце — осталось и живет. И вот сейчас я сам написал для них пьесу.

Он сказал об этом и на минуту задумался, словно только сейчас сам понял это чудо: мальчик-ительмен, который в детстве смотрел, как куклы смеялись и плакали, сейчас сам написал сказку о Кореле, маленьком пусенке, зимующем на Камчатке...

Нет, не часами и минутами радости и веселья — судьбами оценивается жизнь этих людей.

Михаил БРИМАН,
соб. корр. «Советской культуры».
КАМЧАТКА.